

В.С. Лазарев

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Опровергать, не оговорив содержания рассматриваемых понятий... или вынужденное возвращение к теме

«Цитируемость – использование – ценность»

(по поводу публикации А.А. Крулева «Цитирование как форма научных коммуникаций»)

Полемическая публикация А.А. Крулева «Цитирование как форма научных коммуникаций» (Научные и технические библиотеки. – 2020. – № 3. – С. 79–92) представляют собой критический разбор трех публикаций автора этих строк, в котором подвергается сомнению причинно-следственная связь цитируемости научных документов с их использованием, а использования – с их ценностью. При этом, в рассматриваемой публикации, в частности, 1) отсутствует какой либо анализ понятия «ценность научного документа», а критика осуществляется как без учета трактовки ценности, исповедуемой автором рассматриваемых публикаций, так и без опоры на какое-либо иное определение ценности (а еще и со смешиванием понятий «ценность» и «качество»); 2) в качестве однородных рассматривается понятия, выделенные по различным основаниям; 3) принципиальная закономерность подвергается сомнениям на том основании, что действия некоторых людей, не соответствующие этическим нормам, могут быть произвольно направлены против ее проявления; 4) высказываются неоднократные произвольные претензии к автору рассматриваемых публикаций по поводу того, что им не проанализирован ряд вопросов – безо всякого обоснования необходимости их рассмотрения. Настойчивая и внешне разноплановая критика, из которой состоит упомянутая статья, требует опровержения, которое невозможно без краткого 1) повторного рассмотрения взаимоотношения понятий «цитируемость», «использование» и «ценность», 2) повторного рассмотрения взаимоотношения понятий «качество документа» и «польза описанных в нем результатов для человечества», 3) повторного рассмотрения различий между понятиями «ценность» и «качество» и возможностей использования цитат-анализа для оценки ценности и качества научных документов, 4) повторного рассмотрения различий в оценке использования документов, осуществляемой путем цитат-анализа и путем анализа обращений к документам исследователями, 5) повторного рассмотрения порочных издательских практик по манипулированию авторскими ссылками. Под повторными рассмотрениями имеются в виду обращения как к аргументации публикаций, подвергаемых критике в статье А.А. Крулева, так и использование материалов ряда других публикаций автора, в поле зрения А.А. Крулева не попавших. Таким образом, данная работа может

восприниматься дополнение как к статьям ее автора, критикуемым А.А. Крулевым, так и к ряду других его публикаций, оставленных А.А. Крулевым без внимания.

цитируемость, использование, ценность, качество, научный документ, наукометрия, оценка научных исследований, нобелевский уровень, обращения к научным документам, ответственность рецензентов

Полемическая публикация А.А. Крулева [1] привлекает внимание читателей журнала «Научные и технические библиотеки» к моим статьям [2-4]. Этому можно было бы только радоваться, если бы не то обстоятельство, что статьи эти подвергнуты столь настойчивой и кажущейся разноплановой критике, что читатель, не являющийся «фанатиком» цитат-анализа, может и потерять желание обратиться к самим цитируемым работам. При этом текст статьи А.А. Крулева столь ярко пестрит оборотами вроде «В.С. Лазарев не упомянул», «В.С. Лазарев не делает», «В.С. Лазарев полностью обошел», что не сразу и задашься вопросом: «А было ли нужно упоминать, делать и т.п.?»... и вместо переадресовки читателя к рассматриваемым работам [2-4] в его сознании может вполне произойти их «замещение» публикацией А.А. Крулева. Понятно, что такая перспектива радовать меня никак не может, а, с учетом важности обсуждаемых вопросов, я и не вправе уклониться встречного разбора публикации А.А. Крулева: это может быть полезным с позиций пресловутого тезиса «в споре рождается истина». При этом я постараюсь не злоупотреблять пересказом и цитированием своих работ; хотелось бы, чтобы основным моим инструментом в этой вынужденной работе были просто ответы на критику и комментарии.

Невнимательность к рассматриваемому свойству и «противопоставление» общему научному принципу частных характеристик человеческой деятельности, которая может сопутствовать его проявлению

Основная задача работы А.А. Крулева выглядит так: «В. С. Лазарев описывает “цепочку” <...>: “Цитировано, потому что использовано, а если использовано, значит – ценно”. Достоверность предложенной зависимости вызывает сомнения. Выявленные автором связи следует последовательно критически рассмотреть». [1, с. 81].

В цитируемой фразе упоминается понятие ценности научного документа, и при рассмотрении «связей» моему оппоненту следовало бы прежде разобраться с понятийным аппаратом. Если для кого-то сомнителен тезис о том, что какой-то объект при выполнении определенных условий демонстрирует

свою ценность, кажется естественным прежде всего разобраться с тем, что утверждавший это автор имеет в виду под ценностью. Установив это, следует определить, является ли такая трактовка данного свойства правомочной. Затем, если ответ на данный вопрос представляется отрицательным, либо, если, по мнению потенциального критика, используемая оппонентом трактовка допускает альтернативу, следует обосновать и изложить собственное понимание ценности, указав на отличия в используемых трактовках. И лишь затем «атаковать» вызывающий интуитивное несогласие принцип.

Итак, поскольку главным вопросом оказывается понимание ценности как свойства научного документа, детального опровержения требуют, прежде всего, третий и четвертый разделы статьи А.А. Крулева под названиями «Использовано, но не ценно» и «Ценно, но не использовано», в которых выражены попытки опровержений моих взглядов по данному вопросу. А.А. Крулев осуществляет их, не оговарив содержания рассматриваемого понятия и смешивая *ценность* с *качеством*.

А.А. Крулев также использует такой прием, который я не могу назвать корректным: он «противопоставляет» общему принципу частные... даже не всегда особенности его проявления, но – особенности человеческой деятельности по *имитации* цитирования, которая *может сопутствовать подлинному цитированию*. Такую аргументацию можно проиллюстрировать следующим условным примером: «Идея монетарной системы сомнительна, поскольку встречаются фабрикаторы фальшивых банкнот». Этот прием применен в качестве основного в первом разделе его публикации («Цитировано, но не использовано»); находит он свое применение и во втором разделе («Использовано, но не цитировано») ... Но начнем разбор с третьего раздела («Использовано, но не ценно»).

«Использовано, но не ценно»

В рамках представлений о ценности, которое используется в моих публикациях [2-4] (и которое не подвергается в разделе «Использовано, но не ценно» статьи А.А. Крулева никаким попыткам ревизии) данный тезис может получить только самый категорический комментарий: *так попросту не бывает*. Чтобы убедиться в этом, придется привести пространную цитату из еще одной достаточно недавней моей работы¹: «В самом деле, в науке об информации понятие ценности определяется как “свойство информации, определенное ее

¹ Вопреки желанию приводить минимум цитат вынужден начинать с обильного цитирования, т.к. понятие ценности А.А. Крулев не определяет, мое же определение не приводит и комментирует.

пригодностью к практическому использованию в различных областях целенаправленной человеческой деятельности для достижения определенной цели» [5, с. 464]². Ценность информации прямо связана с ее использованием, будь то единичный документ или научное периодическое издание как организованная совокупность документов: вне научного документа человеческое общество не имеет и научной информации, так как именно документ является материальной формой ее фиксации. Итак, должно быть ясным, что, будучи методом непосредственной оценки состоявшегося использования <...> цитируемых объектов <...>, подсчет ссылок является методом косвенной оценки их ценности [6, р. 273]. Обновленное определение ценности не противоречит сказанному, но подтверждает его: «Ценность, в том числе научная, не является чисто природным свойством предмета (в нашем случае информации), а образуется в результате предметно-практического взаимодействия объекта и субъекта. Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности. <...> Ценность объективна как порождение практического отношения (взаимодействия) объекта и субъекта <...> [7, с. 232]» [8, с. 96–97]³.

А.А. Крулев не включил цитируемую работу [8] в свой разбор, но приведенная в ней цитата *присутствовала и в разбираемой им работе* [4, с. 133], так что эти аргументы и это определение ему известны... а между тем, никак не пытаясь их опровергнуть, он утверждает, что ситуации «использовано, но не ценно» – возможны. В этой связи продолжу вынужденное цитирование; теперь – непосредственно из упоминаемой моим оппонентом работы [2]: «Мало того, если в философии “ценность” трактуется как критерий предпочтительности в ситуации альтернативного выбора [10, с. 111], то выбор конкретной ссылки из множества возможных <...> уже свидетельствует о ценности процитированного!» [2, с. 6]. Соответственно: не выбрано, значит – не ценно.

Изложенное видение ценности, которое исповедует автор этих строк [2; 4], не является его капризом или, напротив, каким-то «особенным вкладом», но попросту развито из авторитетных научных определений. В соответствии с формулировкой профессора В.М. Тютюнника мой подход к понятию ценности – это подход «с классической информационной точки зрения» [11, с.5]. Если А.А.

² При дословном цитировании как статьи [1], так и моих собственных публикаций во избежание дезориентации читателя используется, естественно, нумерация ссылок *данной* статьи.

³ «Кто может <...> определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? <...> Таким судьей может быть только общественная практика» [9, с. 167].

Крулев согласен с данным видением ценности, он просто не имел права на саму формулировку «использовано, но не ценно»: *только использование и указывает на ценность* со всей определенностью. Если же не согласен, – то утверждению о возможности ситуации «использовано, но не ценно» должен был бы предшествовать его анализ исповедуемого мной понимания ценности, его аргументированная критика, и предложенная альтернатива. Вместо этого раздел под увлекательным названием «Использовано, но не ценно» заполнен А.А. Крулевым примерами того, что цитируемый документ может не поддаваться идентификации (у нас есть свои – причем не умозрительные! – публикации и на эту частную тему [12; 13]⁴). При этом А.А. Крулев сам признает, что «идентификация не является индикатором ценности» (с. 85). Остается развести руками: ничего из помещенного в этом разделе *не соответствует его названию*. Так, «”плохой” список литературы», – пишет А.А. Крулев, – «может стать причиной отклонения рукописи. К ненадлежащему *качеству* <выделено мной – В.Л.>, с точки зрения редакторов и МНБД⁵, приводят: преобладание ссылок на малоизвестные источники, отсутствующие в МНБД, на недоступные источники (с точки зрения редакторов); преобладание русскоязычных ссылок на источники, отсутствующие в МНБД» [1, с. 86]⁶. Все эти факты относятся к порочным издательским практикам, а не к наукометрическим оценкам и вообще *не имеют никакого отношения к ценности цитируемой литературы*. Также моим оппонентом здесь смешиваются понятия ценности и **качества**. Кстати, абсурдность отождествления ценности или качества цитируемого материала с его известностью редактору или рецензенту была проиллюстрирована в описании мной с Сергеем Назоровцом ситуации, когда американский журнал потребовал у нас замены ссылки на работу И.В. Маршаковой-Шайкевич – автора прорывного метода со-цитирования, вошедшего в историю наукометрии, – на ссылку «на более известную аналогичную работу на английском языке» [14]. Но уменьшает ли ценность классиков «забвение» их некоторыми редакторами? Нет – пока их трудами *пользуются авторы*. Некомпетентный редактор здесь ничего изменить *по*

⁴ Эти публикации упомянуты здесь только потому, что данного вопроса коснулся мой оппонент как бы намекающий, что данный вопрос якобы остался за пределами моего внимания. Никакого отношения эти *технические* работы к обсуждаемой *теоретической* проблеме «цитируемость – использование – ценность», разумеется, не имеют.

⁵ Т.е. международных научных баз данных.

⁶ Дальнейшее цитирование публикации А.А. Крулева [1] будет сопровождаться только указанием страницы его работы.

существу не в состоянии: наша статья с оригинальными ссылками была опубликована в другом журнале.

А.А. Крулев также рассматривает в данном разделе технические проблемы наукометрических исследований цитируемости, связанные с ретракцией публикаций и имеющиеся, по его мнению, наукометрические проблемы, связанные с деятельностью репозиториев. (Интересно, что *деятельность по расширению доступа к информации* ассоциируется с *проблемой*.) Никакого отношения к принципу установления ценности документов на основании их цитируемости эти рассуждения о технических особенностях исследования цитируемости не имеют. Но данные рассуждения дают автору [1] поводы для использования формулировок «В. С. Лазарев полностью обошел тему ретракции публикаций» (с. 86) и «В. С. Лазарев не упомянул и репозитории»⁷ (с. 87)... Имитируя стиль оппонента, сформулирую так: «А.А. Крулев полностью отказался от приведения хоть каких-нибудь доказательств необходимости упоминания мной о ретракциях и репозиториях в теоретической статье о ценности научных документов и принципиальном подходе к ее оценке». А если возражать по существу, то следует разобрать эту часть публикации моего оппонента подробнее. А.В. Крулев пишет: «В. С. Лазарев не упомянул и о репозитории, развивающиеся практически пропорционально средствам электронной коммуникации. В числе прочих в репозиторий могут быть включены документы, которые будут изменены после официального опубликования. Корректировки могут коснуться использованного списка литературы» (с. 87). Наверное, рецензент рукописи А.А. Крулева понимал, что обозначает этот абзац. Что же до меня, то его прочтение побуждает выразить недоумение по следующим вопросам 1) для чего в прикладной наукометрии следует использовать в качестве источника библиографических ссылок *предварительные варианты статей, размещенных в репозиториях* (кстати, не отражаемые в наукометрических базах данных!); 2) почему избрана именно эта (насквозь надуманная!) проблема, а не *проблема последующей цитируемости статей, варианты которых предварительно были предварительно размещены в репозиториях*, – при получении этими вариантами различных библиографических описаний с возможной сменой названия под давлением рецензента или редактора журнала; 3) какое отношение написанное здесь А.А. Крулевым – равно как и мое ответное обсуждение – имеет к *цитированию авторами того, что было*

⁷ Вместо обычно практикуемого в таких случаях в дискуссиях выражения «По нашему мнению, автору следовало бы также...».

использовано ими при создании разных вариантов статей. От того, что мы здесь только что обсуждали, этот **принцип** ничуть не поколеблен.

«Ценно, но не использовано»

Единственная фраза А.А. Крулева, которую в данном разделе статьи можно соотнести с его названием, это: «Документ, признаваемый одним автором или коллективом авторов ценным, может не только быть подвергнутым критике со стороны оппонентов, но и просто не приниматься в расчет. Это неизбежно проецируется и на наукометрические показатели» (с. 87). Надо полагать, что отсюда, по логике автора, и следует, что ряд ценных документов *сознательно не используется* определенными группами недоброжелателей.

Однако, «ценно, но не использовано», – это такой же нонсенс, как и «использовано, но не ценно»: ведь именно в использовании объекта и реализуется его ценность (см. выше), а в отсутствии использования объекта просто невозможно судить о его ценности⁸. Априорная оценка документа – это оценка его *качества*⁹, а не ценности, – как бы мы при этом ни называли оцениваемое свойство и как бы ни смешивали понятия качества и ценности. То

⁸ Напомним: «Ценность, в том числе научная, не является чисто природным свойством предмета (в нашем случае информации), а *образуется* в результате предметно-практического взаимодействия объекта и субъекта. Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности» [7, с. 232] (Выделено мной – В.Л.).

⁹ Качество – это «степень соответствия набора присущих характеристик <...> объекта <...> требованиям» [15, с. 15; 16, п. 3.6.2.]. Понятно, что «набор присущих характеристик» научного документа определяется требованиями к *самому документу*, а не к характеристикам его цитируемости и потому может быть определен только с помощью экспертной оценки его *содержания* [8, с. 95]. «Качество – это свойство публикации, описывающей исследование. Оно указывает на то, насколько хорошо выполнено исследование, лишено ли оно очевидных “ошибок”, насколько эстетически удовлетворительны его математические формулировки, насколько оригинальны выводы и т. д. Качество скорее относительно, чем абсолютно...» [17, р. 70]. «Качество познается скорее абстрактно, вне процесса использования объекта и удовлетворения с его помощью конкретных нужд (и безотносительно к такому использованию или удовлетворению) [18, с. 127]; причем познание строго зависит от познающего субъекта [*Там же*] и осуществляется с помощью некоего идеального стандарта [19, р. 915]» [6, р. 274]. «Можно, конечно, уговорить эксперта провести “априорную оценку ценности”, но как такую оценку ни называй, она окажется оценкой качества — в соответствии с самим определением данного свойства» [4, с. 134].

Пользуясь формулировкой моего оппонента, А.А. Крулев полностью обошел нашу недавнюю работу, специально посвященную оценке качества [4], хотя она цитировалась в рассматриваемых им работах [2; 3]. В своей статье [1] он неоднократно смешивает понятия ценности и качества.

есть действительно вполне обыденная ситуация, когда какой-то ученый при изучении документа своих коллег оценивает их как *высококачественные*, но отказывается от его использования («просто не принимает в расчет»). Но эту ситуацию нельзя трактовать (как это делает А.А. Крулев) как отказ от признания высокой *ценности* документа: ценности документ, до тех пор, пока он не использован данным ученым, для данного ученого лишен. При этом можно сколько угодно говорить о его латентной или потенциальной ценности, но это будет не более чем игрой слов: оценить «латентную ценность» невозможно. Данный документ будет ценным для одной группы ученых (тех, кто *использовал*), но качественным (не ценным) – для другой (тех, кто *признал* его высокое качество, но от использования воздержался). Поэтому ситуация, смоделированная А.А. Крулевым, оказывается надуманной: «ценно, но не использовано» – так попросту не бывает!¹⁰ Возможна другая ситуация: использовано, но не процитировано (см. ниже), и весьма похоже, что А.А. Крулев имеет в виду все-таки именно ее.

Мало того, ученый, не использовавший качественный, вдохновляющий его документ, *не обязательно отказывался* от его использования. Здесь вновь необходима цитата из собственной работы: «кто-то может находиться под серьезным впечатлением <...> какого-то документа, но если документ тот остается источником идей, еще не нашедших применения в конкретной работе, процитирован он не будет» [2, с. 7]. Время использования этого документа просто еще не настало; и документ, оставаясь *качественным* (что всегда оценивается априорно, умозрительно), пока не может стать *ценным* (что может проявиться только через практику его использования).

Думается, что умозрительный пример А.А. Крулева можно вообще назвать примером сомнительной и даже «опасной» логики. Ведь документ, «признаваемый одним автором или коллективом авторов ценным», может быть не использованным «оппонентами» и по такой очевидной причине, что он и *качественным по их мнению не является* (в условиях существования противостоящих друг другу научных школ – ситуация более, чем обычная!). Можно также предположить, что он – в силу каких-то

¹⁰ Как я и указывал в начале разбора, А.А. Крулев вправе исповедовать иное понимание ценности, – но в этом случае ему следовало бы *обязательно привести и обосновать* разделяемое им определение и попытаться показать, почему трактовка этого понятия автором, которого он стремится подвергнуть критике, является, по его мнению, неудовлетворительной. Поскольку ничего подобного не произошло, то его возражения, связанные с понятием ценности документа, должны быть признаны просто произвольными, лишенными оснований.

обстоятельств – остается им неизвестным¹¹. Получается, что обвинить группу ученых в недобросовестности можно просто из-за несовпадения оценок определенных публикаций или из-за того, что этим ученым не был представлен эффективный доступ к релевантным документам! А ведь эти причины, как минимум, не менее вероятны, чем недобросовестность исследователей. (Примеров последней, разумеется, также можно привести более чем достаточно; важно, однако, чтобы это были полностью доказательные примеры. Презумпция невиновности должна действовать и в наукометрии.)

Кстати, в рассматриваемой фразе А.А. Крулев по-видимому признает, что не считает отрицательное цитирование проявлением использования и ценности, т.к. ставит рядом и «критику» и «неприятие в расчет» документа. В то же время в системе научных коммуникаций критика выражается в отрицательном *цитировании*, а «неприятие в расчет» – в *его отсутствии*. Отрицательное цитирование – такой же индикатор ценности, как и любое другое. Проиллюстрирую это еще одной вынужденной цитатой из собственной статьи: «Если меня спросят: “Как <...> быть со статьей О.В. Михайлова, на опровержение аргументации которой ты потратил столько эмоций, столь обильно при этом ее цитируя: она, что же, тоже по твоей логике, ценная?”, я отвечу: “Безусловно, да: разбирая ее, я находил новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему”. <...> Что же до ее качества, мой ответ совсем иной <...>. Итак, “отрицательные ссылки” являются не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, а, быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не <...> качественных работ.... Кстати, из аргументов О.В. Михайлова я рассмотрел лишь два: проигнорированные не стоят, на мой взгляд, обсуждения <...>, а ведь давно общепринятым стало то, что в таких случаях никакого отрицательного цитирования не происходит» [2, с. 12].

После разобранной выше фразы А.А. Крулев отмечает, что мной проведен терминологический анализ понятий *полезность, влияние, качество, значимость, ценность* и **установлена их неидентичность**. Далее утверждается, что я приписываю термину «ценность» какой-то «особый статус», хотя проще и понятнее было бы сказать, что я утверждаю, что данное свойство преимущественно отражается в цитируемости на основании прямых причинно-следственных связей. Здесь моим оппонентом приводится цитата из моей

¹¹ Общеизвестно, что все документы, содержащие информацию, релевантную конкретному исследованию, никогда не достигают авторов, выполняющих данное исследование. Однако этот довод никогда ни использовался для отказа от наукометрии.

работы «Ценность – это свойство, отображаемое цитируемостью объекта по преимуществу» [2, с. 8], и вроде бы с ней все в порядке, но, поскольку А.А. Крулев не приводит ни используемого мной, ни собственного определения ценности, эта вынутая из контекста цитата может вызвать у читателя ложное впечатление, что она-то и есть «определение ценности по Лазареву». После приведения цитаты констатируется: В.С. Лазарев убежден, что «лучшего критерия <ценности> в наукометрии не существует».

Казалось бы, имеет место объективный пересказ чужой точки зрения и отсутствует критика. Между тем, отсутствие в статье А.А. Крулева определения ценности; цитата, которая может быть ошибочно принята за ее определение мною; нечеткость формулировки про «особый статус» ценности – все это может вполне вызвать определенный скепсис читателя по отношению к изложенным моментам. А фраза о том, что я «убежден в том, что лучшего критерия <ценности> в наукометрии не существует», оставленная без комментариев, как бы предполагает наличие такого (более уместного) критерия. Что ж, давайте вновь задумаемся, может быть, он действительно имеется?

Меня «всегда удивляла формулировка «недостатки анализа цитирования»: о недостатках какого-либо метода следует говорить при наличии лучшего либо эталонного, а при их отсутствии стоило бы говорить только об особенностях... Так, в работе [20] скрупулезно собраны “недостатки” метода, который подвержен уничижительной критике; работа завершается утверждением, что “требуется принципиально иной базис. Но это – тема для отдельного разговора” [20, с. 207]. Естественно, что этого разговора нет в критикующей работе. Его и не могло быть, т.к. нет ни эталонного, ни “лучшего” метода, направленного на оценку того же свойства объектов» [2, с. 8]. Это даже доказательств не требует, поскольку, если бы он существовал, давно произошел бы массовый отказ от применения анализа цитируемости и переход к использованию эталонного метода. Некоторые, правда, считают, что возможность с помощью учета запросов на копии или обращений к рефератам документов «получить данные *раньше, в большем количестве, и несовпадающие*» [2 с. 8] свидетельствуют об использовании метода, «лучшего», чем анализ цитируемости. Однако «ни “раньше”, ни “больше” не обеспечит преимущества, *если данные неадекватны*; в качестве же доказательства их адекватности и выставляется факт самого несовпадения данных. Таким авторам и в голову не приходит, что это же несовпадение с таким же успехом

можно засчитывать в качестве довода “за” анализ цитирования» [2, с. 8]. При этом есть специалисты, готовые утверждать, что анализ запросов на документы и обращений к ним «лучше» отражают *использование*, нежели анализ цитируемости; в этой связи было даже предложено определение «использования», которое «гласит: “использование возникает, когда пользователь оформляет запрос на обслуживание, относящийся к определенному научному ресурсу, в конкретную информационную службу” [21, с. 6]. То есть в определении **использования** говорится исключительно о **запросе**; о самом же *использовании запрошенного* в <таком> определении использования не говорится вообще ничего. И это противопоставляется анализу цитирования!» [2, с. 8]¹².

Я уделил здесь – право же, вынужденно! – столько внимания пересказу и цитированию уже опубликованного, поскольку хотел подчеркнуть, что моя позиция, изложенная А.А. Крулевым в формулировке «лучшего критерия <ценности> в наукометрии не существует», – это отнюдь не произвольное утверждение¹³.

Этой позиции А.А. Крулев ничего ей не противопоставляет... но сразу вслед за ее изложением он пытается нанести «решающий удар». «В проанализированных публикациях [3, 4] крайне мало внимания уделено такому показателю, как результативность» (с. 87), – пишет мой критик, по-видимому, считая, что «результативность» должна то ли входить в состав понятия «ценность», то ли дополнять его¹⁴. Позиция его никак не конкретизирована, поэтому на это «обвинение» я вынужден крайне подробно отвечать.

Так вот, мною изучались такие **свойства документов** как *полезность, влияние, качество, значимость, ценность...* Эти **свойства** в той ли иной

¹² «Я сравнил бы сохранение библиографического описания публикации с ощущением “еда вкусно пахнет”, загрузку полного текста – с помещением вкусно пахнущего блюда в холодильник, а цитируемость – не просто с его съедением (с ним уместно сравнить прочтение), а с применением конкретных набранных от данного блюда калорий в конкретном деле. И где же в этом ряду примеров лучше отображается использование?! Ответ очевиден...” [22, с. 15].

¹³ Спор с несогласными с этим тезисом начался не вчера. См., например, мою работу [23], которая, будучи опубликованной в 1989 году, была написана еще в 1986-м, но «застряла» по дороге в печать, т.к. в свое время ее отказался печатать сборник «Научные и технические библиотеки СССР». См. тж. [24, р. 8–11].

¹⁴ А я не «крайне мало», как пишет мой оппонент, уделял внимания «результативности»: я не уделял ей *никакого* внимания. Просто как предмету, *не имеющему отношения* к рассматриваемым в [3;4] вопросам. Был ли должен? Дальнейший текст позволит в этом разобраться.

степени «засвечены» в наукометрической литературе, поэтому выбор их мной для анализа был более чем естественным – если не неизбежным. А.А. Крулева не устраивает, что я не уделил внимания **показателю** (заметим: показателю, а не свойству!) «результативность». Но – во-первых – будет ли позволено нам спросить: показателем какого именно свойства документа является «результативность»? И относится ли данное свойство именно к документу? И почему научная дискуссия ведется настолько небрежно, что показатели и отображаемые в них свойства рассматриваются оппонентом как объекты, выделенные по единому основанию?!

Поскольку далее А.А. Крулевым указано, что «в научном сообществе сам факт публикации иногда признается результатом» (с. 87), можно предположить, что под «результативностью» он имеет в виду продуктивность – свойство (все-таки *свойство*, а не *показатель*!) периодического издания содержать то или иное количество публикаций, непосредственно измеряемое этим количеством [25]; это же свойство можно использовать и для характеристики ученых. Однако, если это так, то свойство, характеризующее ученых, но не отдельный документ (продуктивность или «результативность»), противопоставлено свойству, характеризующему документ (ценность). Кроме того, может ли изучение *продуктивности* ученых уточнять или дополнять постижение *ценности* созданных ими документов?!

Разумеется, древний метод подсчета публикаций не мог быть обойден и моим вниманием; из последних работ здесь можно упомянуть [26]. Но в [3; 4] рассматривать его я был, мягко говоря, не должен. Так, даже в качестве инструмента оценки научного труда («результативности») подсчет публикаций подвергался вполне уничижительной критике уже в 60-е годы прошлого века [27]. В цитируемой работе [27] 1967 года уже отмечалось, что авторы часто были вынуждены искусственно завышать число своих публикаций; что уж говорить о сегодняшней вынужденной практике научных публикаций «методом *salami slicing*»! Полагаю, что в современных условиях утверждение о важности количества научных публикаций как средства отображения результата научного труда еще более спорно. О спорности подхода свидетельствует и наличие лауреатов Нобелевской премии, которые на момент ее присуждения имели совсем незначительное количество публикаций: 84, 51... [11, с. 5]). К оценке же *ценности* научных публикаций их количество вообще не имеет никакого отношения.

В работе [28, с. 45] указано, что «Количество публикаций в рецензируемых академических изданиях, их цитируемость и производные

индикаторы приняты большинством стран в качестве основных критериев результативности науки» (выделено мной – В.Л.). Но поскольку «продуктивность» (измеряемая числом публикаций) и «ценность» (оцениваемая по уровню цитируемости) – это *разные* свойства, то концепция оценки результативности (синтетической характеристики научной деятельности, никак в цитируемой работе не определенной¹⁵) не может дополнить или уточнить концепцию ценности научного документа. Никто никогда не говорил, что не следует изучать число публикаций; однако же, это – «совсем-совсем другая история».

Далее в своей статье А.А. Крулев цитирует работу [29], в которой нет определения «результативности», но цитируется помогающее уяснить его определение понятия «научный результат», приведенное в Федеральном законе России «О науке и государственной научно-технической политике»: «Научный и (или) научно-технический результат — продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе» [29, с. 15]. Часть определения, выраженная словами «зафиксированный на любом информационном носителе» уже предполагает, что «продуктом» оказывается документ (единство информации и материального носителя [30]); формулировка же «продукт научной <...> деятельности» сама трактуется как ее «результат» [29, с. 16]; и в результате мы получаем результат научной деятельности, «зафиксированный на любом информационном носителе», то есть *научный документ*. Эти отождествления вновь приводят к необходимости ассоциировать «результативность» с подсчетом документов. Против синонимичности понятий «продукт» и «результат» и с критикой определения «научного результата», используемого в Федеральном законе, выступал сам цитируемый А.А. Крулевым А.С. Кулагин [29], т.е. наметившаяся было определенность в трактовке термина «результативность» (А.А. Крулев не приводит никакого определения!) пропадает.

«В научном сообществе сам факт публикации иногда признается результатом, т.е. *она не менее важна, чем качество*», – завершает цитируемую выше фразу А.А. Крулев (с. 87, выделено мной – В.Л.). Я не случайно пришел к необходимости разбирать это предложение по частям:

¹⁵ Мало того, следующая цитата из [28, с. 45] свидетельствует, на наш взгляд, и о признании ее автором неустановленности полноценных логических связей между числом публикаций и «результативностью»: «Для того чтобы концептуализировать результативность научной деятельности, необходимо определиться со способом измерения продукта труда ученых — одной из ключевых проблем статистики на протяжении примерно 80 последних лет».

здесь – новый поворот: данные о числе публикаций должны дополнять данные об их качестве. Но ведь полемика велась вокруг совсем другого понятия – *ценности*, и рассматриваемые А.А. Крулевым мои статьи посвящены оценке вовсе не качества, а *ценности*; при этом мой отказ признавать идентичность качества и ценности А.А. Крулев считает «аргументированным», а мою статью, посвященную анализу понятия и определения качества [8], он, пользуясь его лексиконом, «полностью обходит». Следовательно, остается единственное объяснение данной фразы: А.А. Крулев перепутал ценность с качеством через 14 строчек после того, как признал неидентичность этих свойств.

Как бы то ни было, обращение А.А. Крулева к понятию «качества» может быть связано с его стремлением рассмотреть проблему «результативности». Так, в цитированной несколько выше работе [28] среди прочего указано, что «публикационная активность вместе с несколькими другими подходами (прежде всего профессиональной экспертизой) остается основной и наиболее репрезентативной характеристикой национального и индивидуального научного вклада» [28, с. 45] (Выделено мной – В.Л.). Хотя речь идет о «вкладе», из контекста понятно, что вновь имеется в виду результативность (впрочем, и сама «результативность», и контекстуально синонимичный ей «вклад» никакого определения в статье [28] также не получают). А «профессиональная экспертиза» – это средство оценки именно качества [8]. Итак, получается, что «результативность» включает в себя и ценность научных документов (определенную на основании данных об их цитируемости), и их качество (по данным экспертной оценки), и продуктивность ученых (по числу их публикаций). Т.е. «результативность» – синтетическое понятие из совсем другого ряда, нежели *полезность, влияние, качество, значимость, ценность*. Понятно, что рассматриваться в этом ряду оно стоять ни в коем случае не должно, и уточнить с его применением трактовку понятия «ценность» [2-4] – невозможно.

Обращаясь к трактовке результативности, отличной от продуктивности, сообщая при этом, что «этот термин» («результативность») «следует рассмотреть подробнее» (с. 87), и не определяя его при этом никак, А.А. Крулев в качестве «более подробного рассмотрения термина» приводит следующее рассуждение: «Если понимать наукометрию только как контроль за публикацией документов, их использованием и оценкой посредством цитируемости, то предложенная В. С. Лазаревым цепочка (даже с учетом всех приведенных выше аргументов)

могла бы приниматься безоговорочно. Однако результат, который может быть зафиксирован с помощью научных публикаций или не зафиксирован вовсе, является крайне важным критерием, демонстрирующим связь между теорией и практикой.

А. С. Кулагин приводит следующий пример: Нобелевская премия присуждается не за публикации, пусть даже цитируемые многими, а за конкретный установленный факт [29]» (с. 87–88).

Прежде всего – как тут не воскликнуть: *«вот тебе и раз!»?* «Предложенная В. С. Лазаревым цепочка (даже с учетом всех приведенных выше аргументов) могла бы приниматься безоговорочно», – но с учетом этого признания чего тогда стоила вся предыдущая критика?!

Но, дополняет А.А. Крулев, «результат, который может быть зафиксирован с помощью научных публикаций или не зафиксирован вовсе, является крайне важным критерием, демонстрирующим связь между теорией и практикой» (с. 88). Если следить за интонацией, а не за смыслом, то получается, что, поскольку В.С. Лазарев не интересуется концепциями по учету такого результата, критика все же оправдана?

Однако, упомянутый «результат, который может быть зафиксирован с помощью научных публикаций или не зафиксирован вовсе» – это, как мыслится, объект, находящийся вообще за пределами наукометрии. Выявление выдающихся результатов непосредственно из текстов осуществляется путем смыслового анализа, для выполнения которого необходимо привлечение экспертов – специалистов в той области, в которой данный результат был получен, – а не наукометристов. Такой анализ может быть приложен к весьма ограниченному количеству уже отобранных ранее документов, а не к серьезному фрагменту мирового их потока (в отличие от анализа цитируемости). Является ли такая оценка ответственностью наукометрии? Возможна ли такая оценка с помощью наукометрических средств? Соотносится ли она с понятием «ценность документа»?!

Экспертные оценки, организуемые комитетами по награждению Нобелевскими премиями (не удивительно, что пример с Нобелевскими премиями приведен А.А. Крулевым сразу вслед за указанием на полезность смыслового анализа результатов), которые осуществлялись задолго до появления самого термина «наукометрия», никогда не назывались наукометрическими. Организация более «облегченных» экспертных оценок в приложении к относительно большим массивам документов, за которой следует статистическая обработка результатов, вполне признается рядом авторов наукометрическим методом, но, она направлена на оценку качества документов, а не их ценности. Можно пытаться проводить одновременную оценку качества (экспертная оценка) и ценности (анализ цитируемости) научных документов, более того, – такие исследования достаточно известны и достаточно обыденны, но все это не имеет никакого отношения к «уточнению» понятия ценности. (Занятно, что А.А. Крулев говорит о

«результате», являющимися «крайне важным критерием» (с. 88), но не поясняет, критерием чего. Ведь стоит ему признаться что он подменил свойство «ценность» свойством «качество», как и эта часть его критики рассыплется с полной очевидностью.) Ну, а что значит «выявление результата, не зафиксированного вовсе» (Там же) – причем средствами наукометрии, а не телепатии, судить не берусь.

Как видим из продолжения цитаты, примером результата, якобы не связанного с публикациями, А.А. Крулев считает «конкретный установленный факт», за который присуждается Нобелевская премия. Цитирую еще раз: «Нобелевская премия присуждается не за публикации, пусть даже цитируемые многими, а за конкретный установленный факт» (с. 87–88). Что ж, с одной стороны, Нобелевские премии действительно присуждаются порой ученым, имеющим лишь чуть более 50-и публикаций [11, с. 5], так что публикации кажутся здесь действительно не при чем. С другой стороны, цитируемая фраза о «конкретном установленном факте», грубо говоря, неверна. В самом деле, в мире **необъятное множество** «конкретных установленных фактов», но Нобелевская премия вручается не них вообще, а, в соответствии с формулировкой завещания Альфреда Нобеля, «за самую большую пользу человечеству», приносимую открытиями и изобретениями по физике, химии и физиологии или медицине [31]. Понятно, что это никак не соотносится с числом публикаций; но не совпадает это и с понятием «конкретный установленный факт».

При этом «польза» вообще определяется, как я уже упоминал, экспертами-отраслевиками, а не наукометристами; а понятие «пользы, принесенной человечеству», из рассмотренных мной свойств цитируемых документов [2, с. 5] наилучшим образом, как было показано мною в [32], соотносится с понятием их «качества» [32, с. 38–51], – а вовсе не их ценности [32, с. 31–38]. Поэтому практика умозрительной оценки качества («пользы») нобелевского уровня экспертами никак не может быть источником для каких-либо уточнений понятия ценности научных документов и пересмотра практики ее оценки на основании анализа цитируемости.

Все как раз наоборот: практика оценки уровня цитируемости документов может быть полезна для выявления работ нобелевского уровня. По уровню цитируемости Институтом научной информации неоднократно предсказывались лауреаты Нобелевской премии: оказалось, что Нобелевские лауреаты цитируются в 30-50 раз (в зависимости от дисциплины) чаще, нежели средние ученые [33]. «Ранжирование наиболее цитируемых авторов выявляет группы или наборы авторов «Нобелевского класса», включая уже получивших

Нобелевскую премию» [34, р. 120]. В своем неопубликованном докладе [35] Ю.Гарфилд упоминал о письме Вильгельма Удельберга (Wilhelm Odelberg), бывшего главного библиотекаря Королевской шведской академии наук, посланном им докладчику в 1965 г., в котором указывалось, что «“Science Citation Index” полезен и представляет для нас большую ценность, особенно когда мы проводим предварительные разыскания для избрания лауреатов Нобелевской премии» [35, р. 2].

Однако – повторим еще раз – качество научных документов, вопреки распространеннейшему мнению, не отображается в цитируемости. Применимость данных о цитируемости документов для выявления работ нобелевского уровня связана с тем, что «статистика совпадений экспертной оценки качества научных документов и их цитируемости (оценки их ценности на основании цитируемости)» убеждает, «что уровень цитируемости может быть при необходимости принят за *вероятностный* показатель (проху) их качества, то есть за показатель, *использование которого основано не на причинно-следственных, а на вероятностных связях*» [32, с. 52]. (При этом в редких случаях т.н. «отрицательного цитирования» отражается *высокая* ценность цитируемого документа при *низкой* оценке его качества). Все это ничуть не удивительно и потому, что данные цитируемости неоднократно демонстрировали высокую корреляцию с другими (помимо Нобелевских премий) индикаторами «престижа» или «высокопоставленности», такими, например, как членство в академиях и т.д. [34, р.120].

Итак, рассуждения А.А. Крулева о применении экспертных оценок для выявления работ нобелевского уровня и вообще для оценки выдающихся научных результатов никак не могут уточнить исповедуемую мной концепцию ценности научных документов. Тем более, – не могут расширить ее до синтетической характеристики научной результативности (которая не получила определения в статье А.А. Крулева и не имеет общепризнанного определения в литературе). При анализе проблемы оценки документов, содержащих выдающиеся результаты, нет никакой надобности «уточнять» *конкретные свойства* документов через их *синтетическую характеристику* и дополнять специфический метод ворохом подходов, не относящихся к оцениваемому свойству. Иными словами, попытка А.А. Крулева показать «недостаточную» состоятельность исповедуемого мной понимания ценности научного документа путем привлечения концепта «результативность» также не увенчалась успехом. Что же касается нобелевской тематики, я не касался ее в работах [2-4] просто потому, что в их рамках в этом не было необходимости. Ей посвящена моя отдельная работа [32].

«Цитировано, но не использовано»

С раздела под таким названием начинается статья А.А. Крулева, но после долгих колебаний я предпочел рассмотреть его позже. Причина такого решения в том, что основной вектор атаки моего оппонента в этом и в следующем за ним разделе иной: поставить под сомнение применимость общего принципа «Цитировано, потому что использовано»¹⁶, а если использовано, значит – ценно» из-за того, что существуют люди, которые либо умышленно, либо по небрежности имитируют факт цитирования.

Так, на взгляд А.А. Крулева, обилие т.н. «номинального цитирования», т.е. умышленного цитирования заведомо непрочитанного ставит под сомнение принцип «Цитировано, потому что использовано». Так ли это и что действительно следует из примеров встречающейся практики цитирования непрочитанного?

Слово моему критику: «Говоря о номинальном цитировании (не приводя этот термин)», – пишет А.А. Крулев, – В.С. Лазарев ссылается на статью, авторы которой констатируют распространение цитирования непрочитанных работ [36], и делает эмоциональное заявление: из-за подобных аргументов следует ликвидировать всю наукометрию как систему, построенную на абсолютно недостоверном фундаменте [4, с. 131]. Между тем распространенность проблем, связанных с номинальным цитированием, признают многие зарубежные исследователи. В ряде случаев, выявить которые не так просто, цепочка, предложенная автором, действует» (с. 82).

У меня не получается понять первую фразу из приведенной цитаты иначе, нежели как утверждение, что мной отвергается «вся наукометрия как система, построенная на абсолютно недостоверном фундаменте». Между тем, мое утверждение было *прямо противоположным*: **если бы** доля процитированных и не прочитанных работ действительно достигала 70 и более процентов, как явствует из [36], *это означало бы*, что вся наукометрия построена на абсолютно недостоверном фундаменте. То есть мной отвергается возможность подобной доли «номинального цитирования» с указанием далее, что «в 1979 г. в своей первой публикации я единожды процитировал одну работу, опираясь лишь на ее реферат в РЖ; так вот: после

¹⁶ Упомянем лишь некоторых из авторов, разделяющих данное мнение, из числа процитированных в рассмотренных А.А. Крулевым работах [2-4]: Е.З. Мирская, О. Воверене, Р.С. Гиляревский, О.В. Кириллова, М. MacRoberts и В. MacRoberts, A. van Raan...

последующего ознакомления с ее полным текстом (полностью опровергнувшим измышления референта, которые в своей ссылке я невольно выдал за суть статьи) я, наученный опытом, не делал этого больше никогда» [2, с. 12]. Такое поведение кажется понятным и типичным, описанное же в [36] — «немыслимым» [4, с. 131]. Ведь ясно, что практика цитирования непрочитанного чревата весьма существенным риском: в лучшем случае – риском «попасть впросак», в худшем – быть «схваченным за руку». Будут ли авторы столь часто пренебрегать этим риском и сознательно обращаться к такой практике? Мне сложно представить себе ее существенную распространенность среди ученых, и в [4, с. 134] я называл такие ссылки не «номинальными», а «фальшивыми». И вовсе не случайно. Фальшивая банкнота может иметь все признаки подлинности, но при этом она не выполняет функции подлинной банкноты, не является частью денежной системы и *не ставит своим существованием под сомнение адекватность соответствующей монетарной системы*. Однако вброс значительной по объему фальшивой денежной массы может вести к подрыву экономики. Аналогично: если произвести массовый «вброс» подобных ссылок, система наукометрических оценок разрушится и извратится, и в случае подтверждения массовости фальшивых ссылок действительно следует прекращать практику прикладных наукометрических оценок. Game over. Тем не менее, факт существования фальшивых ссылок не ставит под сомнение *адекватность наукометрической системы*. («Не будем принимать во внимание «поддельные» ссылки: в конце концов, фальшивые банкноты также деньгами не являются» [3 с. 69].)

«В ряде случаев, выявить которые не так просто, цепочка, предложенная автором, действует», – еще одна фраза моего оппонента из приведенной цитаты. Что обозначает эта фраза? У меня есть несколько версий ее толкования, но пощажу свое и ваше время и уделю лучше свое внимание понятным формулировкам.

А.А. Крулев приводит еще одну ситуация – на мой взгляд, надуманную, – когда библиографические описания, попавшие в списки цитируемой литературы, являются частью *материалов* наукометрических исследований и не имеют отношения к собственно источникам, использованным при написании статьи. Это – имитация цитирования по небрежности. Разумеется, всем понятна неправильность подобной практики, – но, полно, существует ли еще она?! У меня, например, журналы уже три года назад не включали в список цитируемых источников даже ссылки на изученные мной сайты, на которых я наводил *уточняющие справки о*

материалах своего исследования. И все-таки они были сочтены частью «материалов», а не «использованных источников». И, как мне представляется, справедливо. Что уж говорить об анализируемых библиографических списках?! (Обычно в журналах их оформляют в виде отдельных таблиц или приложений.)

Итак, считаю, что аргументация данного раздела статьи А.А. Крулева не может поставить под сомнение причинно-следственную связь «цитировано, потому что использовано». Из текста раздела непонятно, какие практические рекомендации должны следовать из его аргументов. Да, действительно существуют практики, направленные *против* механизмов саморегуляции в науке, в том числе и против проявления данного принципа. Но они же его не отменяют! В качестве «риторической аналогии» приведу следующий пример: когда-то в США было много продажных полицейских, работавших по существу *против* полицейской системы, но можно ли было из-за этого говорить о неоднозначности, о спорности или тем более о неадекватности самой идеологии полиции?

А.А. Крулев указывает, что «распространенность проблем, связанных с номинальным цитированием, признают многие зарубежные исследователи» (с. 82), что, по-видимому, подразумевает мое недостаточное к ней внимание! Все с точностью до наоборот: аспекты данной проблемы отнюдь не были обделены и моим вниманием, но им были посвящены мои *отдельные статьи, не являющиеся методологическими*¹⁷.

Так, мои работы [22, с. 17–18; 37] касаются ссылок на неп прочитанное, сделанных *вынужденно*, вследствие практики издательств и редакций журналов не принимать статьи, имеющие менее определенного числа ссылок. Сталкивались мы с соавторами и с вовсе вопиющим случаем: с требованием американского журнала заменить русскоязычные ссылки на англоязычные [22, с. 17–18; 14]. Должен сказать, что на требование замены русскоязычных ссылок мы ответили прекращением переписки о возможности публикации в журнале, который данное требование выставил. (Сам я не публикуюсь и в изданиях, «нормирующих» количество ссылок, – за исключением тех случаев, когда «норма» не препятствует мне сделать столько и таких ссылок, сколько и каких я сам полагаю необходимым...)

То есть существует проблема вмешательства издательств и редакций в структуру ссылок, которое не мотивировано содержанием статьи и ее

¹⁷ Желаящие могут, конечно, складывать все свои яйца в одну корзину, но никто не вправе требовать этого от своих коллег без серьезных обоснований – равно, как и считать, что какому-то вопросу не было уделено внимания, если оно было уделено в отдельных, специально посвященных ему работах.

внутренними связями с цитируемым материалом, – и это действительно серьезная проблема. Но проблема эта – техническая, организационная, проблема эта заключается в бездарном и безответственном вмешательстве людей в саморегулирующуюся систему, а не в самой системе. Причины этого вмешательства, кстати, *подтверждают* действенность принципа «цитировано, потому что использовано»: ведь редактор, требующий англоязычных ссылок или ссылок на собственный журнал, озабочен тем, тем чтобы его страна (регион) и его журнал лучше «выглядели» с позиций наукометрической оценки: он подделывает то, что, будучи натуральным, и указывает на востребованность публикаций конкретного региона и журнала. При этом на стадии подачи рукописи автор *цитирует, то, что использовал* [2-4]; фальшивые же ссылки прибавляются к списку (или даже заменяют часть оригинального списка) не по его воле и не по его выбору. Ссылки, навязанные авторам редакторами или рецензентами, не являются «ни свидетельством информационных связей, ни пригодным библиометрическим индикатором» [37, р. 93]. Авторы статей *могут не принимать* подобных ультиматумов, – хотя, коль скоро такая практика существует, понятно, что это не всегда просто. К природе, к сущности библиографического цитирования эти порочные практики отношения не имеют, – потому они были рассмотрены в моих отдельных публикациях, посвященных *именно этим, сопутствующим техническим проблемам*. Но нет никакого противоречия во взглядах, высказанных мной в [2-4] и в [22; 37]: наличие порочных практик вынужденного цитирования непрочитанного под диктатом редакторов не отменяет и не «уточняет» **общий принцип** «цитировано, потому что использовано», а является проблемой, *требующей технического, а не концептуального решения*. В наукометрических исследованиях ссылки в публикациях журналов, способных манипулировать цитированием своих авторов (такая способность, как представляется, отражается уже в журнальных «нормах» на число процитированных в их статьях источников) не должны, по-видимому, приниматься в расчет до тех пор, пока комитеты по публикационной этике не добьются от этих журналов соответствующих организационных решений в ответ на их соответствующие настойчивые разъяснения¹⁸.

¹⁸ «...Их вычитание из наукометрических показателей является сугубо *организационной, а не методологической* проблемой», – замечает А.В. Марвин [38, с. 584] (выделено мной – В.Л.) по поводу «отрицательных» ссылок. И хотя наши с А.В. Марвиным взгляды на роль «отрицательных» ссылок диаметрально противоположны, приведенная им формулировка верно отражает тот подход к *фальшивым ссылкам*, которого следовало бы придерживаться.

Следующий вариант цитирования непрочитанного (незамеченный А.А. Крулевым): фальшивые ссылки, сделанные по небрежности. Как такое возможно? К сожалению, оказалось, что очень просто. При подготовке трудов конференций организаторы часто предлагают применять готовые *шаблоны* библиографических списков. При этом у авторов среди цитируемых документов (технически цитируемость осуществляется путем замены образцов ссылок на определенные виды документов в шаблоне на действительно цитируемые библиографические описания) может не оказаться ссылок на определенные их виды. И – можно ли было такое себе представить? – в результате ряд авторов при написании статей *по небрежности* оставляют неудаленными в списках литературы неиспользованные ими *образцы* библиографических ссылок – формально уже в качестве «процитированных работ»! Как ни странно, и рецензенты и редакторы оставляют это порой без внимания. В работе [39] описывается именно такая ситуация, в результате которой было зафиксировано более 400 (!) ссылок на *несуществующую статью из несуществующего журнала*: «авторы, возможно, не поняли, что они должны были заменить текст шаблона своим собственным и, возможно, <поэтому> ошибочно оставили ссылку на Van der Geer <т.е. на несуществующую статью>, используя шаблон для написания своей статьи» [39].

Итак, «небрежное письмо и небрежный контроль качества» [39] может породить сотни ссылок на несуществующую работу при полном отсутствии у авторов недобросовестности, и при полном отсутствии у редакторов желания манипулировать ссылками. При этом авторы вновь *не нарушали* принцип «Цитировано, потому что использовано, а если использовано, значит – ценно». Понятно, что в наукометрическом исследовании уточняются сведения о лидерах цитируемости, поэтому фантомность столь высокоцитируемой статьи была бы без проблем обнаружена. (Что, собственно, и произошло [39].) Но в любом случае данный пример свидетельствует о необходимости четкой работы рецензентов и редакторов трудов конференций (что и само по себе очевидно!), а вовсе не пересмотра, дополнения или уточнения рассматриваемого принципа. К закономерностям научных коммуникаций, одна из которых заключается в том, что цитируется то, что используется, эта ситуация вообще не имеет отношения. Вся эта ситуация – вопрос отвратительного исполнения своих обязанностей рецензентами и редакторами, и я указал на нее именно на web-страницах *Ассоциации научных редакторов и издателей*

(<https://m.facebook.com/groups/782017671928624?view=permalink&id=1597762343687482>), а вовсе не в теоретических статьях, посвященных *сущностным* характеристикам цитируемости.

Как видно из примеров, приведенных как А.А. Крулевым, так и автором этих строк, ситуации, когда чья-то недобросовестность или небрежность пытается «противостоять» принципу «цитировано, потому что использовано», могут встречаться достаточно часто. Однако когда принципу пытаются произвольно и сознательно противостоять люди, пытающиеся «подделать» его проявление в своих интересах, это является лишь дополнительным доказательством его истинности.

«Использовано, но не цитировано»

«Следует отметить еще одну актуальную проблему», – пишет А.А. Крулев, – отсутствие ссылки на цитируемый материал: «использовано, но не цитировано». Речь идет не только о плагиате, но и об ошибках или небрежности в оформлении публикации.

Некоторые авторы умышленно не ссылаются на цитируемый документ, чтобы не влиять на наукометрические показатели оппонента. Иногда они вынуждены исключать источники, следуя требованиям редакции минимизировать библиографию» (с. 84).

Что обозначают противоречивые формулы «отсутствие ссылки на цитируемый материал» и «не ссылаются на цитируемый документ»? По-видимому, имеется в виду документ *«использованный»*. А.А. Крулев разбирает следующие виды ситуации «использовано, но не цитировано»: плагиат, «ошибки и небрежности в оформлении», нежелание ссылаться на оппонентов, диктат редакции по уменьшению числа ссылок. По-видимому, все это имеет место; о степени же распространенности таких ситуаций можно судить только по результатам исчерпывающей проверки *содержания каждой статьи* в сравнении со списками использованной литературы. Нечего и говорить о том, сколь высокой должна быть при этом квалификация эксперта, о том, сколь проблематична организация подобных исследований для представления сколь-либо репрезентативных материалов. Никаких ссылок и данных, подтверждающих свою мысль о «масштабе бедствий», причиняемых прикладной наукометрии ситуацией «использовано, но не цитировано», А.А. Крулев не приводит; мне также неизвестны работы, которые подтверждали бы распространенность перечисленных им ситуаций. А может быть, речь идет о единичных ситуациях, о погрешности?

Как интересно получается – отсутствие доказательств того, что какие-то материалы были якобы использованы, но не процитированы, выдается едва ли не за доказательство того, что это явление настолько распространено, что ставит под сомнение сам принцип. Между тем, речь идет о голословном утверждении. Выше (сноска 10) я отмечал, что все документы, содержащие информацию, релевантную конкретному исследованию, *никогда* не достигают авторов, выполняющих соответствующее исследование. А отсюда следует, что отсутствие ссылок

на «очевиднейшие» публикации отнюдь *не обозначает* того, что они были использованы, но не процитированы. Авторы просто могли о них не знать!

«Ошибки и небрежность в оформлении публикаций», о которых пишет А.А. Крулев, действительно имеют место, и действительно приводят порой к тому, что не все использованное в цитирующей научной работе будет в ней процитировано. Это, кстати, общеизвестно. Более того, по-видимому, не все использованное при выполнении отдельных конкретных работ цитируется в описывающих ее результаты статьях – *вне связи даже и с ошибками и злым умыслом цитирующих* [40]. Но «цитирования основаны на мнениях большого количества ученых» [41, с. 18], т.е. при привлечении больших массивов ссылок единичные «перекосы», по-видимому, составят незначительную долю. «Если взглянуть на ссылки в отдельной статье, можно найти много странностей, таких как пропущенные ссылки на особенно важные работы, или работы авторов, внесших весомый вклад в область знания, или преувеличенное внимание к отдельному автору. Действительно, если анализировать всего *одну конкретную* статью, с ее странными ссылками, можно получить весьма ошибочную картину об области знания. А когда в анализ будут включены дальнейшие работы, подобные, равно как и иные «неправильности» также будут обнаружены в списках цитируемой литературы. Значит ли это, что никто и никогда не получит никакой здоровой идеи о наиболее важных работах в этой области? С точки зрения статистики *все* исследователи ссылаются на предыдущие работы *совершенно произвольно*. Но никто всерьез не станет трактовать ссылки *даже в одной отдельно взятой работе* <здесь выделено мной! – В.Л.> как абсолютно произвольные» [42, р. 134]. Тем более – ссылки в рассматриваемых совокупностях работ. На больших массивах эти «странности» и небрежности сглаживаются. Кстати, цитаты [41, с. 18] и [42, р. 134] заимствованы из моей работы [2], известной А.А. Крулеву.

Далее, если не все источники, использованные при создании цитирующей научной работы, будут в ней процитированы, остается верным «прямое» высказывание: *все, что процитировано ученым, было им использовано при создании цитирующей научной работы. Именно это «прямое» высказывание и является формулировкой принципа*. Цитируемость отражает не все использование, – аргументы для этого утверждения собраны С.Г. Кара-Мурзой в работе [40], но *этот же автор*, как и многие другие, отмечает несомненное: *цитируемость отражает использование*. Можно испытывать скорбь или раздражение по этому поводу «неполноты» отражения, но – неполноты по сравнению с чем? *Не существует* метода, который более точно, нежели анализ цитируемости, отражал бы

использование документов при выполнении конкретной научной работы. Это было показано мной в разделе «Ценно, но не использовано» данной работы, как было до этого показано и в работах, цитируемых А.А. Крулевым.

Далее мой оппонент, обращаясь к частным особенностям проявления принципа «цитировано, потому что использовано», указывает, что «В. С. Лазарев не делает никаких уточнений относительно области знаний, которой посвящена статья, сроков публикации работ, этапов жизненного цикла объекта. Все это влияет на типы использованных при подготовке публикации документов, в ряде случаев и на их количество. Например, документ может быть использован и процитирован в обзорной статье, но не цитирован в материале научной конференции» (с. 84)¹⁹.

Что же следует из того, что, к примеру, «документ может быть использован и процитирован в обзорной статье, но не цитирован в материале научной конференции» (с. 84)? Только то, что планирование наукометрического исследования должно быть аккуратным, тщательным – но кто и когда утверждал, что наукометристы не обязаны думать?! Вообще изучение трудов конференций имеет свою специфику, и для обобщающих суждений о научной деятельности справедливо применяется значительно реже, чем изучение цитируемости журналов. Знаю об этой специфике не понаслышке (см., напр., работы [43; 44]). Доводилось мне также рассматривать и роль обзорных журналов как источников ссылок для библиометрических исследований, вообще рассматривать проблему отбора таких источников ([45, с. 136–137]). Но – опять же – это делалась мной в статьях, обсуждающих *не принципиальные, а не частные технические вопросы*. Именно потому, что специфика трудов конференций и обзорных журналов как источников библиографических ссылок для наукометрических исследований отнюдь не является принципиальным методологическим вопросом. Правильное их понимание действительно важно для адекватного планирования исследования, – но это понимание не отменяет и не уточняет общий принцип.

Далее и сам А.А. Крулев пишет: «Цитируемость может быть не учтена по техническим причинам» (с. 84). Иными словами, он признает, что в ряде случаев к *сущности* цитируемости его оговорки на тему «использовано, но не цитировано» не имеют отношения. Впрочем, верно то, что порой нецитируемость автора связана с тем, что «результат общеизвестен, а заслуги автора – общепризнаны» (с. 85). Но в этом случае наукометрическая оценка и не нужна, – что тут же и признает сам А.А. Крулев: «Публикации ученых предшествующих эпох не требуют оценки наукометрическими методами» (*Там же*). Впрочем, он тут же добавляет: «Однако вопрос “смены эпох” и перехода автора в разряд экспертов, не

¹⁹ Мой оппонент не привел *никаких доказательств* того, что «В. С. Лазарев» *должен был* сделать соответствующие «уточнения». Нужно ли напоминать о праве исследователя самому очерчивать границы своей работы? Так, например, А.А. Крулев **вообще никак не рассматривает в своей статье мой анализ термина и понятия “imprast”, вокруг которого, собственно, и «вращаются» разбираемые им статьи [3; 4]**, но, поверьте, я считаю это его правом...

нуждающихся в библиографическом упоминании, пока остается открытым» (с. 85). Не уверен, что этот вопрос имеет практическое значение. В любом случае, речь вновь идет о частном моменте. Впрочем, он весьма интересен, и было бы прекрасно, если бы мой оппонент занялся его изучением.

О небрежности оформления статьи А.А. Крулева

Приведу лишь парочку примеров таковой – их могло бы быть значительно больше...

Кажется, что А.А. Крулев настолько озабочен проблемой неточного и небрежного цитирования, что и собственной публикацией пытается проиллюстрировать такую практику. Так, ссылки в рассматриваемой статье начинается не с номера 1, но с номера 13, а монография «Научные коммуникации и информатика», авторами которой в выходных ее данных значатся А.И. Михайлов, А.И. Черный и Р.С. Гиляревский, названа в тексте статьи [1, с. 88] «книгой Р.С. Гиляревского». **Готов допустить, что Андрей Александрович настолько хорошо осведомлен о реальном вкладе А.И. Михайлова и А.И. Черного в данный труд, что не стал приводить их фамилий, но сложившаяся практика цитирования вряд ли делает допустимыми такие упоминания в тексте: по фамилии *третьего* – пусть и формально *третьего*! – соавтора и безо всяких «с соавт.», «и др.» или «et al.».** Кстати, в списке цитированной литературы к статье А.А. Крулева этой монографии нет; не иллюстрация ли это его мысли о том, что «некоторые авторы умышленно не ссылаются на цитируемый документ»?

Далее, согласно А.А. Крулева, «А. А. Первозванский считает, что отсутствие точной ссылки – наиболее явный признак того, что результат общеизвестен, а заслуги автора – общепризнаны» (с. 85). Здесь же приводится и ссылка, на соответствующую публикацию А. А. Первозванского. «Небольшая» проблема заключается в том, что за 25 лет до А. А. Первозванского эту идею высказал Юджин Гарфилд [46], *прародитель международных наукометрических баз данных* – тех самых, пользу которых А.А. Крулев декларирует в «Заключении» так настойчиво, как если бы большинством наших коллег она не признавалось. Может быть, на примере этого фрагмента с отказом от цитирования классика, пионера и патриарха А.А. Крулев вновь пытается проиллюстрировать свою мысль о том, что «некоторые авторы умышленно не ссылаются» на использованный документ?! Или показать, как ссылка объективно «отчуждается» от документа, содержащего соответствующую идею?!. Или это просто недостаточное знание

специальной литературы?! (Заметим, что даже на этом примере видно, как трудно определить мотивацию выбора ссылки или отказа от нее [47, р. 615], – а ведь моему оппоненту в таких случаях всегда ясно виден едва ли не сплошь злой умысел ...)

«Заключение»

В заключении А.А. Крулев вновь напоминает нам как о существовании фальшивых ссылок, так и о встречающейся практике замалчивания используемых работ; также и о возможном изменении статуса и содержания цитируемого документа. Что же с этими бесспорными фактами следует делать? «Следует учитывать» или, точнее, «говоря о неразрывной связи цитируемости и использования документов (в частности, научных статей), следует учитывать» эти факты (с. 88). Это – не самая конкретная рекомендация. Никто и не спорит с тем, что многое нужно учитывать *при проведении прикладных наукометрических исследований*; и ряду технических проблем, которые необходимо решить для того, чтобы отбираемые для них данные о цитируемости были достоверными, были посвящены и мои специальные статьи, о которых упоминалось выше. Однако, концептуального значения эти оговорки, на наш взгляд и в соответствии со всем вышеприведенным, не имеют.

Полагаю, что *при наличии явных доказательств*, что ссылки на какие-то работы пропущены по злему умыслу, бороться с такими пропусками можно. Тем более, – с «накрутками» показателей цитируемости. На мой взгляд, первичное выявление таких фактов (при рассмотрении статей, поданных в печать) является обязанностью рецензента. Однако, очевидно, что для этого необходим прием соответствующих документов (профессиональных стандартов? этического кода?).

При этом *следует учитывать*, что существует презумпция невиновности. Следовательно, отсутствие в списке цитированной литературы даже самой «очевидной» ссылки не обязательно указывает, что был умышленно проигнорирован какой-то использованный материал. Кстати, никаких подходов по выявлению ситуаций «Использовано, но не цитировано» А.А. Крулев не приводит.

Несколько по-иному обстоит дело с «накруткой цитирований»: оно не только легче доказуемо, но и систематически разоблачаемо. Разоблачения приветствуются, но и эта проблема – техническая, никак не задевающая внутреннюю логику подлинного цитирования. Эту проблему весьма быстро создали чиновники от науки, вульгаризаторски трактующие прикладную

библиометрию. Поэтому и решение этой проблемы лежит в сфере государственной политики, а не наукометрии. В руках чиновников наукометрия превратилась в инструмент «давления на научное сообщество и искажения общепринятой ранее в науке реальности» [11, с. 5] – следует вырвать ее из *этих* рук.

Еще пример. А.А. Крулев замечает, что «В.С. Лазарев ссылается на фундаментальную в области наукометрии книгу Р. С. Гиляревского “Научные коммуникации и информатика” и пишет о том, что только на основе общественной практики можно судить о ценности научной информации. При этом автор не оговаривает, что важнейший из рассматриваемых им критериев – ценность – напрямую связан с результативностью научного исследования. В области технических наук это правило сравнительно легко проверить, например, анализируя эффективность инновационных объектов, технологий, материалов и т.д., описанных в научных публикациях» (с. 88)... По поводу этой формулировки я не считаю необходимым здесь повторно рассматривать связь ценности *научных документов* с результативностью *ученых* (т.е. с понятием, не имеющем единого признанного определения и относящимся к другому объекту). Мысль о «прямой связи» ценности «с результативностью» выражена моим оппонентом весьма нечетко, ссылками не сопровождается, но названа «правилом». Между тем, ссылаясь на «правило» – тем более в полемической статье, – следовало бы *четко его сформулировать*, исключив любые недоразумения, и привести необходимые ссылки. Этого нет.

Убийственной путанностью отличается следующая фраза заключения: «Ключевые параметры оценки, используемые в наукометрии (импакт-фактор, индекс Хирша, цитируемость и др.), на наш взгляд, можно принимать безоговорочно, только приравняв их к элементам профессиональных научных коммуникаций» (с. 88-89). Не берусь гадать, имел ли автор в виду, что я якобы «принимаю безоговорочно» «импакт-фактор» и «индекс Хирша» (храни меня Господь от такого!), но хочу на всякий случай оговорить, что критике применения «импакт-фактора» не по назначению у меня посвящен фрагмент работы [22] (с. 16,18), индекс же Хирша я и вовсе нахожу курьезным инструментом [22, с. 16], поскольку «если «первый ученый написал <...> 10 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», а «второй ученый <...> написал 10 статей, каждая из которых цитируется 100 раз, и 100 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», то «индексы Хирша первого и второго ученого одинаковы и равны 10. При этом

суммарная цитируемость этих ученых отличается в 20 раз в пользу второго ученого» [48]... не говоря уже о том, что концептуально индекс Хирша представляет собой некую немислимую помесь ценности и продуктивности. А еще беда этой формулировки в том, что А.А. Крулев вновь ставит в один ряд принципиально различные объекты: цитируемость – это общая, принципиальная характеристика; импакт-фактор – *частный* индикатор, *частный* случай применения этой принципиальной характеристики для оценки *периодического издания*. Что же касается индекса Хирша, – то это искусственный гибрид, в котором содержится попытка отражения двух свойств разных объектов (ценности статей и продуктивности ученого) одной цифрой. Предложение приравнять столь различные по основанию объекты равным образом «к элементам профессиональных научных коммуникаций» (с. 89) должно было бы остаться мне – в силу сказанного выше – уже и не интересным. И тем не менее...

Статья А.А. Крулева называется «Цитирование как форма научных коммуникаций», но единственная, на мой взгляд, фраза во всем тексте, соответствующая данному названию, это именно процитированная выше «неинтересная» фраза о необходимости «приравнять к элементам профессиональных научных коммуникаций» показатели цитируемости. Отвлекаясь от всех ее внутренних противоречий, не задаваясь вопросом, какие практические выводы из этого следуют, спросим, какова же *новая мысль* автора о цитируемости как форме научных коммуникаций? Спросим: «А разве этот статус цитируемости не был известен?»... Открываем классическую монографию В.В. Налимова и З.М. Мульченко 1969 года (!) [49] и читаем: «Мы предлагаем рассматривать систему библиографических ссылок в научных публикациях как особый специфический язык научной информации. <...> Система научных цитат оказывается тем кодовым языком, который позволяет писать статьи в компактной форме, без повторений. Идеи, на которые опирается автор в своей публикации, передаются этим языком» [49, с. 16]. Или вот формулировка В.В. Налимова 1974 года: «...язык библиографических ссылок в научных публикациях <...> это особый язык, в котором с каждой библиографической ссылкой ассоциируются идеи, содержащиеся в ранее опубликованной работе, соответствующей этой ссылке» [50, с. 65]. Выше я приводил пример о забвении американскими специалистами русскоязычных классиков. Но помним ли мы их сами?!

Но равнозначны ли утверждения о ссылках как языке и о ссылках как форме коммуникаций? За ответом считаю достаточным обратиться к расхожим

определениям, доступным «по первому клику» в Интернете. Вот что получилось у меня: язык – это знаковая система произвольной природы, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях *коммуникации*. Коммуникации же – это обмен информацией, смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Научные же коммуникации – это распространение [научных знаний](#). Не вижу смысла подробнее обсуждать здесь терминологические проблемы взаимодействия понятий «язык» и «коммуникации», т.к. не считаю, что уровень четкости выражения исходной идеи моим оппонентом заслуживает более подробного обсуждения. Упомяну лишь, что классические формулировки В.В. Налимова кажутся мне более четкими.

Итак, приходится делать вывод, что содержанию названия статьи А.А. Крулева соответствует одна фраза сомнительной четкости изложения, бездоказательно выражающая мысль сомнительной новизны.

Среди дальнейших формулировок «Заключения»: утверждение, что понятие «ценность» имеет «субъективно-личностный характер» (а как же утверждение, что критерием ценности является общественная практика, против которого одиннадцатью строками выше не было выдвинуто никаких возражений?!)²⁰, упоминание о том, «возрастает риск просто не увидеть документ в потоке» (соответствующие «новые» наблюдения высказывались специалистами еще в 60-е годы прошлого века!), ну и анекдотическое утверждение о том, что «ценность документов определяется экспертами», – хотя ценность может быть определена *только в ходе использования и никак не априорно, не умозрительно*. Когда А.А. Крулевым писалась фраза про определимость ценности экспертами, им вновь было забыто сказанное им же – теперь уже двадцатью одной строчкой выше.

...Таким образом, приходится признать, что конструктивные подходы в работе [1] отсутствуют. Мне удивительна позиция журнала «Научные и технические библиотеки», столь некритически отнесшегося к столь явным недостаткам этой работы а, главное, не предоставившего мне, автору, сотрудничавшему с данным журналом с 1981 года и опубликовавшим в нем лично и в соавторстве 13 статей, возможности ответить на критические претензии А.А. Крулева в том же номере, в котором журнал поместил его статью.

²⁰ См. тж.: «Ценность объективна как порождение практического отношения (взаимодействия) объекта и субъекта; она объективна, так как образуется в процессе общественно-исторической практики» [7, с. 232]. См. тж. рассмотрение мной зависимости *от познающего субъекта* **оценки именно качества в отличие от ценности** в работе [2, с. 4–6], которую А.А. Крулев читал (ибо цитировал) но никаких комментариев к данному ее тезису в [1] не сделал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крулев А.А. Цитирование как форма научной коммуникации / А.А. Крулев // Научные и технические библиотеки. – 2020. – № 3. – С. 79–92. – DOI: 10.33186/1027-3689-2020-3-79-92. – Адрес доступа: <https://ntb.gpntb.ru/jour/article/view/555/518>.
2. Лазарев В.С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность / В. С. Лазарев // Международный форум по информации. – 2017. – Т. 42, № 1. – С. 3–16. – Адрес доступа: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>.
3. Лазарев В.С. Неудовлетворительные определения или смутно понимаемое понятие? Об определениях термина «impact» / В. С. Лазарев // Наука и научная информация. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 63–78. – DOI: [10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78](https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78). – Адрес доступа: https://www.neiconjournal.com/jour/article/view/19?locale=ru_RU.
4. Лазарев В.С. Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают “impact” / В. С. Лазарев // Наука и научная информация. – 2019. – Т. 2, № 2. – Р. 129–138. – DOI: [10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138](https://doi.org/10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138). – Адрес доступа: https://www.neiconjournal.com/jour/article/view/43?locale=ru_RU.
5. Терминологический словарь по информатике. Москва: МЦНТИ, 1975. – 752 с.
6. Lazarev V.S. On chaos in bibliometric terminology / V.S. Lazarev // Scientometrics. – 1996. – V.35, N 2. – P. 271–277. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/BF02018485>.
7. Зозулич М.Ф. Особенности управления информационными ресурсами предприятия / М.Ф. Зозулич, М.А. Венделева // Экономика и эффективность организации производства. Сборник научных трудов по итогам международной научно-технической конференции. Выпуск 9. – Брянск: БГИТА, 2008. – С. 230–233.
8. Лазарев В.С. Можно ли считать уровень цитируемости научных документов показателем их качества? / В.С. Лазарев // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение : сб. науч. ст. / Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа НАН Беларуси ; редкол.: А.И. Груша и др. – Минск: Беларуская навука, 2018. – С. 88–103. – Адрес доступа: <https://rep.bntu.by/handle/data/37342>.
9. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика – Москва: Наука, 1976. – 435 с.
10. Минкина В.А. Изучение документальных потоков для определения ценностных свойств технической литературы / В.А. Минкина // Труды. – Ленинград: ЛГИК, 1983. – Т. 76: Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии. – С. 111–122.

11. Тютюнник В. М. Предисловие научного редактора / В.М. Тютюнник // Лазарев В. С. «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: Нобелистика, 2018. – С. 4–6. Адрес доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/47989/Citiruemost_nobelevskogo_klassa.pdf?sequence=3 (дата обращения: 02.04. 2020)
12. Лазарев В.С. [О проблемах идентификации информационных источников, выявляемых в ходе исследований цитат-показателей с применением Journal Citation Reports](#) / В.С. Лазарев, И.В. Юрик // Системный анализ и прикладная информатика. – 2018. – № 1. – С. 4–15. – DOI: [10.21122/2309-4923-2018-1-4-15](https://doi.org/10.21122/2309-4923-2018-1-4-15). Адрес доступа: <https://sapi.bntu.by/jour/article/view/197>.
13. Лазарев В.С. [Идентификация информационных источников, выявляемых в ходе цитат-анализа с применением Journal Citation Reports, как самостоятельная проблема](#) / В.С. Лазарев, И.В. Юрик // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2018) : доклады XVII Международной конференции, Минск, 20 сентября 2018 г. – Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2018. – С. 378–382.
14. Lazarev V.S. [Don't dismiss non-English citations](#) / V.S. Lazarev, S. A. Nazarovets // Nature. – 2018. – V. 556, N. 7700. – P. 174. – DOI: [10.1038/d41586-018-04169-2](https://doi.org/10.1038/d41586-018-04169-2) – Адрес доступа: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-04169-2>.
15. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь СТБ ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). – Взамен СТБ ИСО 9000-2006 ; введ. 2016-03-01. – Минск : Госстандарт ; БелГИСС, 2015. – 54 с. (Государственный стандарт Респ. Беларусь)
16. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Поправкой) ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (Национальный стандарт Российской Федерации) [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения 27.03.2020).
17. Martin, B. R. Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy / B. R. Martin, J. Irvine // Research Policy. – 1983. – V. 12, N 2. – P. 61-90.
18. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии / под. ред. Е. Л. Радлова. – СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1904. – 284 с.
19. Encyclopedia Britannica. – Chicago ; London ; Toronto ; Geneva ; Sydney ; Tokyo ; Manila : William Benton Publ., 1969. – V. 18. – 1011 p.
20. Михайлов О.В. Индекс цитирования ученого: важнейший ли это критерий качества его научной деятельности? // Науковедение. – 2001. – № 1. – С. 201—207.

21. Kurtz M.J. Usage bibliometrics / M.J. Kurtz, J. Bollen // *Annual Review of Information Science and Technology*. – 2010. – Vol. 44, Issue 1. – P. 3–64. DOI: 10.1002/aris.2010.1440440108.
22. Лазарев В. С. Власть библиометрических иллюзий над ленивыми, профанация плодотворных идей и проклятье «парабиблиометрической» оценки науки / В. С. Лазарев // *Научный редактор и издатель*. – 2019. – Т. 4, № 1-2. – С. 12–20. – DOI 10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20. – Адрес доступа: <https://www.scieditor.ru/jour/article/view/93/74>.
23. Лазарев В.С. Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий / В.С. Лазарев // *Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения: Сб. науч. тр. / М-во здравоохранения СССР; Науч.-производственное объединение "Союзмединформ" и др.* – Москва, 1989. – С. 173–186. – Адрес доступа: <https://rep.bntu.by/handle/data/25434>.
24. Lazarev V.S. Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment / V.S. Lazarev // *International Journal of Information Sciences for Decision Making*. – 1997. – N 1 (December). – P. 1–17. – Mode of access: http://isdmln.univ-tln.fr/PDF/isdm1/isdm1a6_lazarev.pdf.
25. Bradford S.C. Sources of information on specific subjects. / S.C. Bradford // *Engineering*. – 1934. – V. 137, N 3550. – P. 85-86.
26. Скалабан А.В. Библиометрическое исследование публикаций работников Белорусского национального технического университета с помощью баз данных Web of Science и Scopus и оценка эффективности их научной деятельности: 2011– 2015 гг. / А.В. Скалабан., И.В. Юрик, В.С. Лазарев // *Приборы и методы измерений*. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 81-92. – DOI: [10.21122/2220-9506-2017-8-1-81-92](https://doi.org/10.21122/2220-9506-2017-8-1-81-92). Адрес доступа: <https://pimi.bntu.by/jour/article/view/291/281>.
27. Васильев, Р.Ф. О количестве публикаций и частоте их цитирования как наукометрических показателях / Р.Ф. Васильев // *Материалы к симпозиуму «Исследование операций и анализ развития науки»*. – М., 1967. – Ч. 1: Методы анализа развития науки. – С. 60–69.
28. Фурсов К. Факторы результативности научной деятельности: микроуровневый анализ / К. Фурсов, Я. Рощина, О. Балмуш // *Форсайт*. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 44–56.
29. Кулагин А.С. Что такое научный результат и как его регистрировать и оценивать / А.С. Кулагин // *Инновации*. – 2018. – № 12 (242). – С. 15–20.
30. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь [Электронный ресурс]

– Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>. (дата обращения: 25.03. 2020 г.)

31. Почему Альфред Нобель завещал свое состояние на поощрение научных открытий? // BBC News. Русская служба [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: https://www.bbc.com/russian/science/2015/10/151002_nobel_prize_qa. (дата обращения: 27.03.2020)

32. Лазарев В.С. "Цитируемость нобелевского класса" и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: изд-во МИНЦ "Нобелистика", 2018. – 70 с. Адрес доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/47989/Citiruemost_nobelevskogo_klassa.pdf?sequence=3 (дата обращения: 02.04. 2020)

33. Garfield E. Forecasting the Nobel Prize winners: some caveats are in order / E. Garfield // The Scientist. – V.4, No.19, October 1, 1990. – Reprinted in: Essays of an Information Scientist. Essays of an Information Scientist. Philadelphia: ISI Press, 1991. — V.14. – P. 382–383. – Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/essays/v14p382y1991.pdf>. (date of access: 26.03.2020).

34. Garfield E. 'Of Nobel class'. Part 1: An overview of ISI studies of highly cited authors and Nobel laureates / E. Garfield, A. Welljams-Dorof // Current Contents. – 1992. – No.33. – P.3–13. – Reprinted in Essays of an Information Scientist. Essays of an Information Scientist. Philadelphia: ISI Press, 1992. – V.15. – P.116–126. – Mode of access: <http://garfield.library.upenn.edu/essays/v15p116y1992-93.pdf>. (date of access: 26.03.2020)

35. Garfield E. Identifying Nobel class scientists and the uncertainties thereof [: an unpublished paper presented at the European Conference on Scientific Publication in Medicine and Biomedicine, Lund, Sweden, April 21, 2006 and at the Third Nordic Conference on Scholarly Communication in Lund, Sweden, April 25, 2006]. – 30 p. [E-resource] – Mode of access: <http://www.garfield.library.upenn.edu/papers/lund2006.pdf>. (date of access: 26.03.2020)

36. Simkin M. V. Stochastic modeling of citation slips / M. V. Simkin, V. P. Roychowdhury // Scientometrics. – 2005. – V. 62. – N 3. – P. 367–384. – DOI: 10.1007/s11192-005-0028-2.

37. Lazarev V.S. Manipulation of bibliometric data by editors of scientific journals / V.S. Lazarev // European Science Editing. – 2019. – Vol. 45, N 4. – P. 92–93. – DOI: 10.20316/ESE.2019.45.19011.

38. Марвин С.В. О статистической взаимосвязи между экспертными оценками научных журналов и их импакт-факторами / С.В. Марвин // Научные ведомости

Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т.44, № 4. – С. 583–592.

39. The “phantom reference:” How a made-up article got almost 400 citations // Retraction Watch [E-resource]. – Mode of access: <https://retractionwatch.com/2017/11/14/phantom-reference-made-article-got-almost-400-citations/> (date of access: 06.04.2020).

40. Кара-Мурза С.Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада / С.Г. Кара-Мурза // Вестник АН СССР. – 1981. – № 5. – С.68–75.

41. Борнман Л. Мудрость цитирующих ученых / Л. Борнман, В. Маркс // Международный форум по информации. – 2013. – Т. 38, № 4. – С. 17–21.

42. van Raan A.F.J. In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much / A.F.J. van Raan // Scientometrics. – 1998. – Vol. 43, No. 1. – P. 129–139. – DOI: 10.1007/bf02458401.

43. Lazarev V.S. Bibliometric research of international scientific conferences proceedings in the context of current objectives of library and information service / V.S. Lazarev, O.K. Safonenko, D.A. Yunusova // Journal of Interlibrary Loan, Document Delivery and Information Supply. – 2001. – V. 11, N 4. – P. 103–118. – Mode of access: <https://rep.bntu.by/handle/data/25399>.

44. Lazarev V.S., Roath S., Yunusova D.A., Safonenko O.K. Biomedical application of magnetic fluids as a specific interdisciplinary problem / V.S. Lazarev, S. Roath, D.A. Yunusova, O.K. Safonenko // Metadebates on Science: The Blue Book of "Einstein Meets Magritte" / Ed. by G.C. Cornelis and J.P. Van Bendegem. – Dordrecht - Boston - London - Brussels: Kluwer Academic Publishers, VUB University Press, 1999. – P. 119–138. – Mode of access: <https://rep.bntu.by/handle/data/25411>.

45. Лазарев, В. С. Некоторые проблемные вопросы отбора научной периодики в помощь выполнения исследований конкретной проблематики путем цитат-анализа / В.С. Лазарев, А.В. Скалан // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема года — «Эффективное использование информационных технологий и наукометрических инструментов в библиотечно-информационной, научной и образовательной деятельности» : доклады II Международной научной конференции, Минск, 1-2 декабря 2016 г. / Государственное учреждение «Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И. С. Лупиновича» Национальной академии наук Беларуси ; редкол.: В. В. Юрченко [и др.] ; науч. ред. и сост. И. Б. Стрелкова ; рец.: Р. Б. Григянец, Е. Е. Долгополова. - Минск : Ковчег, 2016. — С. 134–145. – Адрес доступа: <https://rep.bntu.by/handle/data/26510>.

46. Garfield E. Uncitedness III—The importance of *not* being cited / E. Garfield // Current Content, 1973. – N 8. – P. 5–6. Mode of Access: <http://garfield.library.upenn.edu/essays/V1p413y1962-73.pdf>. Date of access: 24. 03. 2020.

47. Nicolaisen J. Citation analysis / J. Nicolaisen // Annual Review of Information Science and Technology. – 2007. – V. 41, N 1. – P. 609–641.

48. Полянин А.Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша. Индексы максимальной цитируемости / А.Д. Полянин // EqWorld: Мир математических уравнений [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/Polyanin_IndexH_2014.html. (дата доступа: 02.04.2020)

49. Налимов В.В., Мультченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. – Москва: Наука, 1969. – 192 с.

50. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – Москва: Наука, 1974. – 271 с.